

Фундаментальные объекты и развитие экономической теории

Крах мировой системы социализма, происшедший на наших глазах в результате обострения экономического кризиса недопроизводства, породил актуальные и принципиальные социальные проблемы, решение которых требует нового осмысления теоретических оснований экономического знания. Вместе с тем, современной эпистемологией, философской наукой о законах строения, функционирования и развития научного знания, установлено, что научные теории и их законы относятся не к реальным, а к фундаментальным теоретическим объектам (1). Под фундаментальными теоретическими объектами понимаются такие облеченные в знаковую форму теоретические понятия, как число, геометрическая точка, величина, материальная точка, абсолютно твердое тело, абсолютно черное тело, идеальная жидкость, идеальный газ и т.п. Они образуются в результате процедур абстрагирования, отвлечения от других свойств реального объекта и идеализации, предельного перехода к нулевому значению свойства, например, к нулевому значению одного из оставшихся свойств, например, пространственных размеров при образовании материальной точки, фундаментального объекта ньютоновской механики. Для эффективного применения научной теории в практической деятельности необходимо провести процедуры деидеализации и дезабстрагирования по отношению к фундаментальному теоретическому объекту: перейти от материальной точки к механическому телу, а затем к реальному объекту, включающему в себя действительные пространственные размеры и нефизические свойства, закономерности, способные повлиять на механическое движение изучаемого объекта. Непосредственное применение фундаментальных объектов и законов научной теории в практической деятельности может привести только к отрицательным последствиям.

В настоящее время существуют две фундаментальные экономические теории: теория трудовой стоимости и теория предельной полезности и, соответственно, два теоретических объекта, к которым они относятся: стоимость и предельная полезность. В анализе теории трудовой стоимости мы используем классическое изложение Маркса, в исследовании теории предельной полезности – изложение С.В. Брагинского и А.Я. Певзнера (2), а также критику теории трудовой стоимости О. Бем-Баверка (3). Как известно, трудовая теория стоимости начинается с исследования эмпирического объекта – товара и отношения безденежного товарного обмена. Товар образует единство полезности, потребительной стоимости и меновой стоимости. Потребительной стоимостью товар удовлетворяет ту или иную человеческую потребность, меновой стоимостью вступает в отношения непосредственного обмена с другими товарами. В непосредственном меновом отношении происходит приравнивание качественно различных потребительных стоимостей, следовательно, основание их равенства лежит не в потребительной, а меновой стороне товара. Но оно не сводится и к ней, потому что меновая стоимость всего лишь количественное отношение, в котором потребительные стоимости одного рода обмениваются на потреби-

тельные стоимости другого рода. Если основание равенства обмениваемых товаров не находится ни в природных свойствах, ни в потребительных свойствах товаров, то нужно искать его в абстрактно-общем социальном основании. Применение абстракции отождествления, непосредственно опирающейся на предметно-практическое приравнивание товаров в процессе обмена, приводит к выводу о том, что обмениваемые товары – продукт одинакового, абстрактно-общего труда. Объективно-абстрактная отдельность бытия товаров есть объективный коррелят стоимости как фундаментального объекта трудовой теории стоимости, непосредственно порождаемый также эквивалентной практикой обмена.

Далее следует тонкий и подробный анализ выделенной с помощью изолирующего абстрагирования из безденежного обмена простой его формы. Нас интересуют три особенности эквивалентной ее стороны. Первые две прямо следуют из рассмотренной выше эквивалентности обмена товаров: 1) потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности – стоимости; 2) конкретный труд становится формой выражения своей противоположности – абстрактно-общего труда. Третья особенность эквивалентной стороны простой формы стоимости заключается в том, что конкретно-частный труд становится формой проявления своей противоположности – абстрактно-общественного, абстрактно-социального труда. Разница между первой, второй и третьей особенностями очевидна. В основе первых двух особенностей лежит отношение единичного к общему, а в основе третьей особенности – отношение части к целому. Следовательно, третья особенность *не следует* из фиксируемой обменом эквивалентности товаров. Кстати, обоснование, приводимое Марксом для выделения третьей особенности эквивалентной стороны простой формы стоимости, подтверждает сделанный вывод: «Продукты труда не становились бы товарами, если бы они не были продуктами самостоятельных частных работ, выполненных независимо друг от друга. Общественная связь этих частных работ существует вещественно, поскольку они суть звенья естественно сложившегося общественного разделения труда и потому своими продуктами удовлетворяют различные потребности, из совокупности которых состоит тоже естественно сложившаяся система общественных потребностей. Но эта вещественная общественная связь частных работ, выполняемых независимо друг от друга, опосредствуется только обменом их продуктов и потому осуществляется только благодаря этому обмену» (4). Рассмотрим выше изложенное рассуждение Маркса. Во-первых, мы не видим в нем ни слова об отношении единичного к общему, только характеристику качественно иного отношения части к целому. Во-вторых, здесь нет ни слова о *проблеме* логического перехода между этими отношениями. Наконец, в-третьих, на фундаментальный уровень исследования «прорывается» потребительная стоимость товаров – стоимостный эквивалент фундаментального объекта теории предельной полезности. Таким образом, общественная форма товара имеет эквивалентно-стоимостный, единично-общий аспект, но обладает и независимой от него частно-общественной, частно-целостной сущностью. Существенное различие между абстрактно-общим

и абстрактно-социальным трудом выражается на уровне их воплощения в различии абстрактно-общего и абстрактно-социального аспектов стоимости.

Но суть дела еще и в том, что процедура обретения товаром абстрактно-социальной стоимости отличается от процедуры обретения абстрактно-общей стоимости. Развитие общественного разделения труда приводит к отделению обмена от производства. В производственной деятельности социального человека, несомненно, существует как конкретно-единичный и абстрактно-общий труд, так и конкретно-частный и абстрактно-социальный труд, но процесс превращения конкретных аспектов труда в абстрактные аспекты не всегда происходит сам собой. Если абстрактно-общее качество товаров проявляется в каждом из единичных актов обмена «автоматически», то иначе обстоит дело с существованием и проявлением абстрактно-социального труда и аспекта стоимости. Абстрактно-социальный труд и соответствующий ему аспект стоимости необходимо выражается в полноте обмена друг на друга многих товаров, потому что здесь идет речь о соотношении друг с другом форм предметного аспекта общественного бытия. Но тогда для превращения конкретно-частного труда и стоимости в абстрактно-социальный труд и стоимость должен быть затрачен в конкретно-единичной и абстрактно-общей форме особый, торговый труд. Следовательно, суть торговой деятельности заключается в создании абстрактно-социальной стоимости. Именно она связывает в одно общественное целое лично независимых друг от друга товаропроизводителей. Без торговой деятельности абстрактно-социальная стоимость и само либерально-рыночное общество не существует. Таким образом, в простом товарном производстве возникает *необходимость* в особой социальной группе, профессионально занимающейся процессом обмена, появляется необходимость в учете их абстрактно-общего и абстрактно-социального труда в конечной стоимости реализуемого товара. В обществе личной зависимости (5) функция превращения конкретно-частного труда и стоимости в абстрактно-социальный труд и стоимость переносится в той или иной степени на государственные торговые или распределительные организации.

После этого идет блистательный диалектический процесс образования денег как конкретного типа товаров, с натуральной формой которого срастается всеобщая эквивалентная форма с применением процедуры обобщения. Иными словами, потребительная стоимость денег становится эквивалентной формой проявления абстрактно-общей стоимости всех обменивающихся друг на друга товаров. По сути дела Маркс дал эквивалентно-репрезентативный метод решения проблемы объективного основания фундаментального теоретического объекта экономической теории, стоимости, *до* обобщенной постановки этой проблемы в неопозитивистской философии науки, но в частично ошибочном виде, так как из нее оказался исключенным абстрактно-социальный аспект труда и стоимость, создаваемая не в производственной, а в торговой сфере. Экстенсивное развитие абстрактно-общего труда и его воплощения в конкретно-единичной стоимости денежного товара образует объективно-эволюционное основание частичного фундаментального теоретического объекта, стоимости,

адекватно репрезентирующей только эквивалентно-общий уровень обмениваемых товаров.

В либерально-рыночном обществе, таким образом, происходит выражение общественных отношений через отношения между вещами, товарами. Движение созданных людьми вещей становится независимым от их воли и желания. Более того, оно вершит судьбами людей, их «восходами» и «закатами». Важной особенностью первичного процесса формирования товарно-предметного выражения абстрактно-общей стоимости является то, что в конечном его итоге происходит фетишизация, наделение сверхъестественными свойствами денежного товара, представляющего всеобщую эквивалентно-репрезентативную форму стоимости. Поэтому возникает необходимость научной реконструкции этого процесса, снимающей с него фетишистскую оболочку. Она создает интеллектуально прозрачное отношение между фундаментальным теоретическим объектом и эквивалентно репрезентируемой им сущности, минуя вводящую в заблуждение предметно-эмпирическую форму бытия. Теория предельной полезности исходит не из меновой стоимости, а из потребительной стоимости, называя ее ценностью. Она появляется позже теории трудовой стоимости, так как ее сторонникам долго не удавалось справиться с «парадоксом Смита»: если стоимость зависит от полезного эффекта, то почему благо, имеющее наивысший полезный эффект (например, вода), ценится, как правило, низко, тогда как благо, польза от которого с точки зрения естественных потребностей человека не вполне очевидна (например, бриллианты), имеет очень высокую ценность? Не найдя решения этого парадокса, Смит обратился к трудовым затратам. За ним пошли Рикардо, Маркс, Милль и другие. Решение «парадокса Смита» было найдено лишь в последней трети XIX века. Оно заключается в различении всей совокупной потенциальной полезности какой-либо ценности и предельной полезности последней единицы из этой совокупности. Тогда «парадокс Смита» основан на их смешении друг с другом. Действительно, вода ценится намного ниже бриллиантов, но только тогда, когда ее запас практически безграничен. Если же представить себе цену жизненно важного литра воды в условиях ее острейшего дефицита, то эта цена может превзойти цену бриллиантов. В таком разграничении совокупной и предельной полезности блага – главное концептуальное новшество теории предельной полезности.

Рассмотрим генезис объектного основания ее фундаментального объекта, предельной полезности. В отличие от теории трудовой стоимости теория предельной полезности начинает не с абстракции отождествления, а с изолирующей абстракции, введения Робинзона, человека, живущего на необитаемом острове. Здесь мы вынуждены констатировать: как немислимо существование меновой стоимости без потребительной стоимости, так не может быть человека, полностью изолированного от других людей. Но именно абстракция Робинзона позволяет выявить наиболее эффективное распределение его рабочего времени. Правда, движение от потребления вынуждает идти не от производства, а от потребности и наиболее эффективного распределения уменьшающегося запаса природного блага, например воды, для удовлетворения разных по степени значимости потребностей Робинзона: чем больше запад

ни значимости потребностей Робинзона: чем больше запас блага, тем больше его ценность, и наоборот. Анализ показывает, что ценность блага определяется ценностью последней имеющейся в наличии его единицы. Она и называется предельной полезностью, удовлетворяющей предельную потребность человека. Конечно, у каждого человека свое представление о ценности благ, следовательно, величина предельной полезности имеет субъективный, а величина предельной потребности – субъективный характер. Данная схема рассуждения применяется к распределению рабочего времени, необходимого для удовлетворения разных потребностей Робинзона с различной величиной ценностей, производимых в каждые полчаса его рабочего времени. Исследование позволяет выявить закон наиболее эффективного распределения рабочего времени: при ограниченности рабочего дня общая максимальная ценность разных видов труда может быть достигнута только тогда, когда предельные полезности, полученные в этих видах труда равны между собой.

Цена рыночного обмена определяется точкой пересечения кривых спроса и предложения. Кривую спроса образует оценка предельной полезности товара покупателем, а кривую предложения – оценка предельной полезности этого же товара покупателем. В точке пересечения кривых спроса и предложения индивидуальные оценки многочисленных владельцев предельных полезностей обмениваемых товаров взаимодействуют таким образом, что количество товара, предъявляемого на рынке, совпадает с количеством товара, на который предъявляется спрос. Устанавливается рыночное равновесие, и тем самым выявляется общественная оценка социальной предельной полезности, воплощающей социальную предельную потребность, одного товара по отношению к другому товару на основе наиболее эффективного распределения имеющихся ресурсов и рабочего времени. Таким образом, социальная предельная потребность и ее воплощение в эквивалентных предельных полезностях разных товаров образует социально-субъективное основание фундаментального теоретического объекта, предельной полезности, адекватно репрезентирующей наиболее эффективное распределение рабочего времени, необходимого для производства этих товаров (б).

Итак, теория трудовой стоимости начинается с отделения меновой стоимости от потребительной стоимости, обнаружения за меновой эквивалентностью обмениваемых товаров эквивалентности, затраченного на их производство абстрактно-общего труда, кончается анализом изолированной простой формы стоимости и ее развития. Теория предельной полезности, наоборот, начинается с изолированного человека, вывода предельной полезности и кончается эквивалентностью оценок предельных полезностей от разных видов работ. В инверсии эпистемологических траекторий развертывания теорий проявляется, на наш взгляд, различие единично-общего и частного-целого их оснований. Одинаковость элементов развертывания обеих теорий и методов абстрагирования, напротив, говорит о значительной их эквивалентности.

В этой связи имеет смысл проанализировать критику теории трудовой стоимости с позиций теории предельной полезности. Бем-Баверк выдвигает следующие критические аргументы: 1) неправомерность исключения из това-

ров природных благ; 2) некорректность использования приема «отрицательного» абстрагирования к выводу стоимости; 3) несостоятельность теологическо-схоластического воззрения об «эквивалентности» обмениваемых стоимостей. В первом случае указывается на эмпирическое явление наличия цены у природных благ, не прошедших через трудовое взаимодействие с человеком. Но, увы, ощущения нас могут обмануть. Хрестоматийный пример: видимое вращение солнца вокруг земли. Когда Бем-Баверк говорит о *природно*-высокой цене богатых содержанием серебра руд, обнаруженных на принадлежащей вам земле (7), тогда в его высказывание уже *неявно* включена более высокая трудовая стоимость извлечения серебра из менее богатых руд. Если же мысленно «убрать» все созданные трудом блага, то исчезнет цена даже куска чистого золота, в виде метеорита упавшего на вашу землю. Ведь он обладает высокой ценностью, в том числе благодаря выполнению функции товара-эквивалента. Более того, в принципе перестанет существовать сама оценка предельной полезности. Она есть мысль, значит, – идеальный продукт материальной трудовой деятельности. Второй критический аргумент затрагивает общий дефект научного познания, а именно, недостоверность индуктивно-эмпирического абстрагирования и основанного на нем обобщения. Недостоверность индуктивно-эмпирического абстрагирования и обобщения в равной степени относится к «отрицательной» и «положительной» его формам. Третий критический аргумент тоже небесспорен. В абстрактной, «теологическо-схоластической», своей части он обнаруживает непонимание того, что за эквивалентностью отношений стоят не только общие характеристики изучаемого нами мира, но и лежащие в его основе принципы сохранения. Следовательно, если исключить из научного знания эквивалентные отношения, то придется исключить и все научные знания. В конкретной части аргумент игнорирует опосредствованный характер связи между сущностью и явлением, игнорирует корректирующее влияние факторов, располагающихся между сущностью и явлением. Наконец, сама теория предельной полезности не свободна от признания эквивалентного отношения между предельными полезностями товаров, созданных в различных видах труда. Попробуйте изъять это эквивалентное отношение из теории предельной полезности, и она потеряет всю свою объяснительную силу.

Наиболее существенными аргументами против трудовой теории стоимости являются: 1) принципиальная невозможность объективно-социального измерения трудовых затрат нерыночными способами; 2) некорректное сведение неоднородного квалифицированного, особенно творческого, труда к однородному неквалифицированному труду. Первому критическому аргументу нельзя противопоставить ни одного теоретического и эмпирического аргумента (8). Практическое осуществление теории трудовой стоимости в Советском Союзе и странах народной демократии показало, что замена рыночного измерения трудовых затрат нерыночным, бюрократическим их измерением приводит к нарастанию затратного характера экономики, исторически быстрому краху основанному на этой теории общественного строя. Второй критический аргумент тоже бьет по слабому месту теории трудовой стоимости. Действительно, если *одинаковая* стоимость двух товаров определяется *одинаковым* количеством затрачен-

ного на его изготовление абстрактно-общего труда, а, стало быть, и общественно-необходимого рабочего времени, то существование товаров, *одинаковая* стоимость которых определяется *разным* количеством абстрактно-общего труда и общественно-необходимого времени прямо опровергает теорию трудовой стоимости. Например, пять рабочих дней землекопа равны одному рабочему дню скульптора (9). Отсюда следует, что классическая теория трудовой стоимости и ее фундаментальный объект, стоимость, адекватно воспроизводит сущность и обмен не всех товаров, а лишь сущность и обмен одинаковых, *стандартных* товаров. Отсюда следует необходимость расширения классической теории трудовой стоимости. Расширение теории трудовой стоимости также диктуется резким увеличением в XX веке доли на рынке качественно новых или более совершенных товаров. Причиной такого увеличения является массовое распространение научно-технического прогресса в сфере производства и товарного обмена. В этом смысле можно говорить о двух стадиях развития производства: *нерелятивном производстве*, когда ассортимент товаров практически не меняется, и *релятивном производстве*, когда в короткие сроки происходит обновление большей части выпускаемых товаров.

Ключевое значение имеет в расширенной теории трудовой стоимости различение стандартного, нестандартного и убыточного товара. Стандартный товар есть товар, размеры производства которого равны общественной потребности в нем. Другими словами, рыночное предложение товара равно общественному спросу на него. Нестандартный товар – это качественно новый или более совершенный товар, общественная потребность в котором больше масштабов его производства. Иными словами, рыночное предложение товара меньше спроса на него. Противоречие нестандартного товара заключается в том, что, с одной стороны, имеется общественная потребность в этом товаре, а, с другой стороны, длительное время производится недостаточное для удовлетворения ее количество этого товара. Оно разрешается увеличением производства нестандартного товара до величины общественной потребности в нем. Повышение уровня производства товара за пределы общественной потребности приводит к появлению убыточного товара. Убыточный товар суть товар, произведенный в количестве, превышающем общественную потребность. Общество частично или полностью отказывается признать труд, затраченный на его изготовление.

При советской разновидности социализма исчисление стоимости всех товаров происходило по закону стандартной теории трудовой стоимости, который осуществлялся при государственном, т.е. чиновничьем, регулировании производства и обмена стандартных товаров. Именно в сфере государственно-партийного управления чиновниками затрачивался стандартный абстрактно-социальный труд, и создавалась абстрактно-социальная часть стоимости произведенных товаров. Отсутствие рыночного определения стоимости стандартных и нестандартных товаров, конкурентного устранения убыточных предприятий неизбежно порождало увеличение степени нерентабельности экономики, оставляло в состоянии дефицита почти все появляющиеся нестандартные товары, с двух «концов» вело общество к неизбежному краху. Распределение же дефицитных товаров «по знакомству» подрывало моральные устои общества. По-

этому, когда в результате нарастающих экономических трудностей началось разрушение советско-социалистического общества, у него не нашлось защитников. Либерально-рыночное общество реагирует на появление большой массы убыточных товаров кризисом перепроизводства, разорением предпринимателей, резким снижением жизненного уровня населения и, через некоторое время, новым экономическим подъемом. В советско-социалистическом типе общества такая обратная связь отсутствовала, поэтому в нем мог существовать только один, первый, он же и последний, уничтожающий этот общественный строй, экономический кризис.

В либерально-рыночном обществе цена нестандартного товара выше стоимости его будущего стандартного состояния до тех пор, пока его предложение не сравняется с общественным спросом. Ведь, как только на рынке появляется первый экземпляр качественно нового товара, так сразу же возникает миллионная, может быть, даже миллиардная в нем потребность. Этот товар обменивается с другими товарами не по закону стоимости, а по закону предельной потребности. Производители нового товара получают дополнительный доход до тех пор, пока размеры его производства не достигнут масштабов общественной потребности в этом товаре. Стоимость стандартного товара, как показала теория трудовой стоимости Маркса, обусловлена абстрактно-общим и абстрактно-социальным стандартным трудом. Что лежит в основе стоимости нестандартного товара? *Креативный* (творческий) труд по созданию качественно нового или более совершенного товара и доведению его производства до масштабов, удовлетворяющих общественную потребность. *Конкретно-креативный* труд создает качественно новую или более совершенную потребительную стоимость. *Абстрактно-креативный* труд создает *креативную стоимость*. Он обладает тем свойством, что, будучи затраченным на производство первого образца нового товара, переносится на все товары данного рода до тех пор, пока их производство не достигнет уровня общественной потребности. Если в сфере обмена происходит лишь проявление конкретно-единичного креативного труда и стоимости в абстрактно-общем труде и стоимости, то конкретно-частный аспект креативной трудовой деятельности и стоимости становится абстрактно-социальным только в сфере обмена, в конечном счете, только после превращения нестандартного товара в стандартный товар. Поэтому абстрактно-общий и абстрактно-социальный креативный труд является, по нашему мнению, трудовым основанием повышенной стоимости нестандартного товара, эквивалентом предельной потребности на «языке» теории трудовой стоимости. Стоимость нестандартного товара определяется не только абстрактно-стандартным трудом, но и абстрактно-креативным трудом, выражающим его предельную полезность. В сфере производства в качестве субъекта креативного труда выступают изобретатели и рационализаторы, в сфере обмена – творчески мыслящие торговцы, способные увидеть и практически реализовать связь между предлагаемым им новым продуктом труда и многомиллионной в нем потребностью. Иначе говоря, в нерелятивном производстве руками и головой рабочих и торговцев создается стандартный товар, в нерелятивном производстве руками и головой людей креативного труда – нестандартный, *инновационный*

товар. Но тогда инновационный товар является объектным основанием фундаментального объекта расширенной теории трудовой стоимости: *абстрактно-общего и абстрактно-социального креативного труда и стоимости*.

Повышенная стоимость инновационного товара есть оплата затраченного на его создание и реализацию креативного труда, совершающегося за его счет прогресса общества. Но, в то же время, она экономически стимулирует стремление товаропроизводителей и предпринимателей сформировать новую общественную потребность впервые созданным продуктом труда, удовлетворить имеющуюся общественную потребность более совершенным товаром, дает дополнительный доход и средства для последующего удовлетворения общественной потребности в данном инновационном товаре. Инновационный товар есть предметное воплощение прогрессивного развития общества. Таким образом, общество «кровно» заинтересовано в креативном абстрактно-общем и абстрактно-социальном труде и креативной стоимости для своего качественного прогресса. Но столь же «кровно» общество заинтересовано в быстрейшей реализации, «растворении» креативного труда и стоимости в эквивалентном общественной потребности количестве стандартного труда и стоимости. При этом стандартный труд и стандартная стоимость выражает экзистенциальную сторону бытия общества, а креативный труд и креативная стоимость – эволюционную его сторону. Без стандартного труда и стандартной стоимости нет существования общества, без креативного труда и креативной стоимости нет его развития. Введение креативного труда и креативной стоимости позволяет, на наш взгляд, снять возражение против некорректного сведения квалифицированного, творческого труда к неквалифицированному, стандартному труду со стороны противников теории трудовой стоимости.

Побочным следствием перехода общества от нерелятивного производства к релятивному производству является крах идеи-мечты о высшей фазе коммунистического общества. Согласно Марксу, после ликвидации частной собственности и товарного производства, «после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» (10). К сожалению, эта желанная картина социальной жизни достижима только в обществе с нерелятивным производством. В обществе с релятивным производством сразу появится мучительная проблема распределения инновационных продуктов труда. С одной стороны, все жители коммунистического общества обладают равным правом на получение этих продуктов труда, с другой стороны, технологические условия производства нового продукта труда исключают возможность за один день удовлетворить миллиардную потребность в нем. Значит, в каждом конкретном случае длительное время не будет выполняться лозунг: каждому по потребностям. Поскольку высшая фаза ком-

мунистического общества связана с «абсолютным выявлением творческих дарований человека» (11), проблема оказывается в принципе неразрешимой. Следовательно, полный коммунизм есть социальный *regretum mobile*.

Наиболее острое столкновение классической теории стандартной трудовой стоимости и теории предельной полезности произошло по вопросу об эксплуататорской природе капитала. С точки зрения теории трудовой стоимости эксплуатация есть, с точки зрения теории предельной полезности ее нет или почти нет. Логически противоречивое отношение между фундаментальными экономическими теориями имеет аналог в проблеме эквивалентных теоретических описаний, обнаруженных в физическом и математическом знании. Суть проблемы заключается в том, что эквивалентные описания относятся к одной и той же предметной области и должны иметь одни и те же эмпирические следствия, но имеют исключающие друг друга эмпирические следствия, поэтому, на наш взгляд, точнее их называть *эквивалентно-альтернативными описаниями*. Например, существует корпускулярная и волновая теория света. Они эквивалентны относительно явлений отражения и преломления света. Вместе с тем: «Корпускулярная теория не смогла объяснить явления дифракции и интерференции света, которые объяснялись в рамках волновой теории. В свою очередь, волновая теория обнаружила свою неспособность объяснить дискретный характер процесса излучения и поглощения света, согласующийся с корпускулярной точкой зрения» (12). Подобные отношения сложились между матричной и волновой квантовой механикой, между формулировкой специальной теории относительности в лоренцевых и галилеевых координатах, между ньютоновской и пуассоновской формулировкой классического гравитационного закона в физике, между неймановской и цермеловской теорией натуральных чисел в математике. Обнаружение эквивалентно-альтернативных описаний стало одним из самых сильных аргументов против концепции истины как соответствия знаний действительности. Проблему эквивалентно-альтернативных описаний нельзя свести к различию способов описания одной и той же предметной области или ее фрагмента. В том-то и дело, что они имеют логически исключающие друг друга онтологические элементы. Например, в основе ньютоновской формулировки классического гравитационного закона лежит принцип дальнего действия, а в основе его пуассоновской формулировки – принцип ближнего действия (13). С точки зрения теории Цермело число три принадлежит числу пять, а с позиций теории Неймана – не принадлежит (14). Интересно, что в конкретной теоретической деятельности альтернативные онтологии возникают не вследствие применения различных теорий, а вследствие применения разных языков. Это порождает знаковый фетишизм: веру в то, что язык теории формирует ее онтологию. По нашему мнению, в последнем случае мы имеем дело с конструктивным характером концептуально-знаковой теоретической деятельности, в процессе которой строятся не теории, а теоретические гипотезы.

Э.М. Чудинов предлагает разграничить экстенциональный и интенциональный аспект эквивалентно-альтернативных описаний. В экстенциональном, математическом аспекте физические эквивалентно-альтернативные теории тождественны, в интенциональном – различны (15). Следовательно, проблема эк-

вивалентно-альтернативных описаний имеет своей неявной предпосылкой полное их отождествление. Автор рассматривает два вида дивергенции эквивалентно-альтернативных описаний: в рамках одной теории, и при переходе от данной теории к более общей и фундаментальной теории. Анализ первого вида дивергенции двух математических эквивалентных выражений модулированного по амплитуде колебания приводит к выводу об относительности математического описания колебания к типу приборов, с которыми у него происходит измерительное взаимодействие. «Все это, конечно, не означает, что свойства колебаний лишены объективного характера и обусловлены исключительно приборами. Они объективны, но не абсолютны. Вообще не имеет смысла говорить о свойствах какого-либо объекта самого по себе, безотносительно к другим объектам. Свойства имеют реляционную природу. Они всегда есть свойства «чего-то» по отношению к «чему-то». Причем сущность одного и того же объекта в разных отношениях проявляется в разных свойствах» (16). Объективное проявление качественного многообразия, воспроизводимое в эквивалентно-альтернативных описаниях первого вида, характеризуется тем, что это многообразие укладывается в рамки одного и того же количественного отношения. Именно оно и есть основание эквивалентной составляющей рассматриваемого вида теоретического описания. В цермеловской и неймановской теории натуральных чисел, эквивалентную составляющую образуют отношения между математическими теоретическими объектами, а дивергентную составляющую – различие в самих математических объектах, соответственно, количественных и порядковых натуральных числах. Второй вид эквивалентно-альтернативных описаний рассматривается в анализе двух формулировок классического гравитационного закона и двух представлений квантовой механики. В первом случае предпочтительность пуассоновской формулировки классического закона гравитации связана с вводимым в ней качественно новым понятием, полем. Оно стало очевидным при переходе от нерелятивистской к релятивистской предметной области механики – шредингеровского и гейзенберговского. Именно пуассоновская формулировка гравитационного закона послужила «мостом» от классической механики к общей теории относительности. Во втором случае шредингеровское представление квантовой механики адекватно нерелятивистской ее предметной области, а гейзенберговское – релятивистской предметной области. Но предпочтительность одного из эквивалентно-альтернативных описаний выявляется ретроспективно или синхронно, когда уже совершился или совершается переход к новой стадии развития теоретического познания одного и того же объекта познания (17).

Таким образом, противоречивое отношение теории трудовой стоимости и предельной полезности не какая-то логическая аномалия, а частный случай эквивалентно-альтернативных описаний. Отношение между стандартной теорией трудовой стоимости и теорией предельной полезности исторически строились по второму виду эквивалентно-альтернативных описаний, когда, то первая теория опережала вторую, то вторая первую. Отношение между нестандартной теорией трудовой стоимости и современной теорией полезности, скорее всего, соответствуют их первому, комплементарному виду. А именно, нестандартная

теория трудовой стоимости раскрывает сторону производства товара, его предложения на рынок, теория предельной полезности – сторону наиболее совершенного и полного удовлетворения общественной потребности в нем, рыночного спроса на этот товар.

Для объяснения феномена эксплуатации Марксом вводится понятие особого товара, рабочей силы: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (18). Владелец денег может превратить свои деньги в капитал лишь тогда, когда найдет на рынке человека, свободного от личной зависимости и от средств производства, необходимых для осуществления самостоятельной трудовой деятельности, т.е. свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы. Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется стоимостью товаров, необходимых для ее воспроизводства. Низшую границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного потребления которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т.е. стоимость фактически необходимых жизненных средств. Поскольку рабочая сила есть лишь способность, постольку ее продажа отделяется во времени от фактического потребления, а именно, оплачивается только после установленного договором срока использования ее потребительной стоимости. Таким образом, рабочий кредитует владельца денег. Суть тайны эксплуатации рабочего заключается, по Марксу, в том, что часть его рабочего времени не оплачивается. Произведенная за это время стоимость и потребительная стоимость присваивается нанимателем, образуя прибавочную стоимость, капитал. Владелец денег становится капиталистом.

Совершенно иной вид имеет этот же процесс в теории предельной полезности. Она исходит из ограниченности и максимальной эффективности применяемых в производстве материальных, финансовых и трудовых ресурсов. В ней действует закон альтернативных издержек, сформулированный Визером: «Реальная стоимость какой-либо вещи есть неполученные полезности других вещей, которые могли быть произведены с помощью ресурсов, пошедших на производство этой вещи» (19). Рассмотрим, что произойдет с производительностью при увеличении отдельно взятого материального ресурса. Допустим, при существующей технологии одна ткачиха обслуживает 12 станков. Будем постепенно увеличивать количество станков, не изменяя число ткачих. Одна ткачиха станет обслуживать все большее и большее количество станков. Сначала увеличение парка станков приведет к увеличению выпуска продукции, но затем отдача от каждого последующего вновь вводимого станка будет уменьшаться. Ткачихи просто не будут успевать обслуживать большее количество станков так же, как меньшее их количество. Следовательно, при данном уровне знаний и техники увеличение вложения в производство какого-либо вида продукта одного из видов ресурсов, при неизменном количестве всех остальных, ведет к убывающей отдаче от того ресурса, вложения которого увеличиваются (20). Та же закономерность действует и в случае увеличения расходов предпринимателя

на найм трудовых ресурсов. Он может повышать число наемных работников до тех пор, пока дополнительный доход не сравняется с дополнительными расходами, иначе он будет терпеть убытки. Итак, размышляя над вложением своего капитала в то или иное дело, предприниматель должен придерживаться общего правила: стоимость предельного продукта, получаемого благодаря вложению дополнительного количества какого-то производственного ресурса, должна быть равна рыночной цене этого ресурса (21). Отсюда следует, что вознаграждение каждого фактора, в том числе труда работника и применяемого капитала, соответствует его предельному вкладу в создание продукта.

Здесь, однако, возникает серьезная проблема. Если мы имеем дело, для упрощения, только с двумя факторами – трудом и капиталом, то невозможно установить с помощью предельной производительности вознаграждение труда, а затем весь остаток автоматически объявить вознаграждением капитала. Кстати, у Маркса именно в качестве остатка фигурирует прибавочная стоимость. Надо еще показать, что этот остаток в точности соответствует предельному производительному вкладу капитала. Проблема была положительно решена с помощью математической теоремы Эйлера. Для применения теоремы Эйлера была введена производственная функция от двух аргументов, труда и капитала. Оказалось: для того чтобы совпала сумма стоимостей предельных продуктов труда и капитала, производственная функция должна обладать свойствами линейной однородности. Экономическое содержание условия линейной однородности в том, что при одновременном увеличении всех факторов производства, выпуск продукции возрастает в той же степени. Если предприниматель на ткацкой фабрике вдвое увеличит количество станков и число работниц, то выпуск продукции тоже возрастет вдвое. Конечно, условие линейной однородности идеализирует ситуацию и противоречит ранее приведенному тезису об уменьшении отдачи от увеличивающего вложения того или иного ресурса, но уменьшение отдачи от вложенных ресурсов в одинаковой мере относится ко всем факторам производства. В итоге «все факторы производства нанимаются в том количестве, которое обеспечивает равенство их вознаграждения с предельным вкладом в создание стоимости (конечного продукта). При этом (в случае линейно однородной производственной функции, т.е. в случае неизменной отдачи от расширения масштабов производства) вся произведенная стоимость готового продукта вменяется тому или иному фактору в соответствии с его предельным вкладом» (22). Ни о какой эксплуатации речи нет.

На наш взгляд, главная проблема не в том, равен ли конечный продукт деятельности труда и капитала сумме их предельных вкладов, а в социальной несправедливости пропорции между этими вкладами. Главная проблема в объяснении *чрезмерно* большой *диспропорции* между зарплатой отдельных рабочих и доходами отдельных предпринимателей. О. Бём-Баверк следующим образом пытается выделить составные части дохода предпринимателя: 1) премия за риск на случае неудачи производства; 2) вознаграждение за собственный труд, который в случае использования изобретения предпринимателя может цениться очень высоко; 3) вознаграждение за разность времени между расходом капитала и получением дохода, равное банковской процентной ставке за эти же годы;

4) предприниматель может добиться увеличения прибыли использованием затруднительного положения рабочих для понижения заработной платы (23). Лишь последняя часть дохода предпринимателя, по мнению автора, может быть отнесена к эксплуатации. Первая часть дохода предпринимателя – далеко не бесспорна. В самом деле, за неудачу производства предприниматель расплачивается неизбежным банкротством, почему же за удачу в производстве он должен получать какие-то дополнительные средства? Такую асимметрию невозможно объяснить с позиций теории предельной полезности. Вторая часть дохода включает в себя креативный труд самого предпринимателя, но он, по крайней мере, в сфере современного производства становится деятельностью креативных наемных работников. Третья часть дохода предпринимателя связана со средним банковским процентом, т.е. долей общей прибыли, доставшейся при ее перераспределении банкам. Следовательно, она не может принимать участие в первичном распределении дохода. Осталась, как это не печально для автора, только последняя, эксплуатационная часть дохода предпринимателя. П. Самуэльсон дает почти такую же классификацию источников предпринимательского дохода, прибыли. Он рассматривает прибыль как доход от факторов производства (процента, ренты и зарплаты); как вознаграждение за предпринимательскую деятельность и введение технических усовершенствований; как плату за риск; как монопольный доход (24).

Таким образом, с точки зрения теории трудовой стоимости доход предпринимателя есть прибавочная стоимость, которая может быть получена только за счет присвоения результатов труда наемного работника, т.е. за счет эксплуатации. С точки зрения теории предельной полезности стоимость предельного продукта должна быть равна его рыночной цене. Отсюда следует, что вознаграждение обоих факторов, труда работника и применяемого капитала предпринимателя, соответствует их предельному вкладу в создание продукта. Ни о какой эксплуатации и речи нет. Сторонники теории предельной полезности правы, когда из общественной, т.е. рыночной, оценки предельной полезности одного товара по отношению к другому товару выводят закон наиболее эффективного распределения всегда ограниченного количества материальных ресурсов, труда и дохода, необходимых для удовлетворения соответствующих этим товарам общественных потребностей. Но они же честно признаются, что не располагают возможностью определить размеры прибыли каким-либо способом (25).

Марксисты правы, когда отмечают стремление предпринимателей к максимальному доходу и контроль над производством товаров в либерально-рыночном обществе со стороны предпринимателей. Тогда в экономической сфере ничто не препятствует соблазну предпринимателей увеличить свой доход за счет эксплуатации. Значит, правы марксисты, и капитал – стопроцентное присвоение результатов труда наемных работников? Здесь стоит обратить внимание на одно существенное обстоятельство, а именно, на ценностно-оценочную сторону экономического знания. Известно: если бы аксиомы геометрии затрагивали интересы людей, они опровергались бы с пеной у рта. За примерами далеко ходить не надо. Сторонники теории предельной полезности

упрекают марксистов в игнорировании субъективно-оценочной стороны экономических процессов, в сведении их только к объективной стороне (26). Но, в свою очередь, игнорируют отмеченное именно марксистами стремление предпринимателей к максимальной прибыли. Такое «избирательное» отношение представителей обеих теорий к предмету исследования порождает лишь противоположно искаженные научные знания.

Для того чтобы разобраться в проблеме сущности капитала, вернемся к трудовой «реабилитации» торговой деятельности, состоявшейся при анализе простого товарного производства. Капитал первоначально представляет собой крупную сумму денег, *заработанную* на торговле. В товарно-денежные отношения вступают лично независимые люди, поэтому связь между изолированными товаропроизводителями и обществом, между конкретно-частным и абстрактно-социальным трудом *необходимо* обеспечивается торговцами. Развитие товарно-денежных отношений внутри сферы товарного производства и обмена приводит к неизбежной социальной дифференциации общества на богатых и бедных людей. Между богатыми и бедными людьми складываются отношения, при которых бедные нанимаются работать у богатых. В обществе пробуждается дух наживы, стремление к умножению богатства, разворачивается эксплуатация и самоэксплуатация, происходит переход от общества личной зависимости к обществу вещной зависимости, либерально-рыночному обществу. И нужно честно признать эксплуататорскую сторону либерально-рыночного общества периода первоначального накопления капитала. В конце концов, не было бы реально-ужасного положения рабочего класса в Англии, не было бы знаменитой книги Энгельса и не было бы марксизма. Более того, не было бы изобретения Герценом концепции русского социализма и вытекающей из нее концепции особого российского пути общественного развития. В современной экономической литературе считается, что наличие сильных элементов эксплуатации было связано с особыми социально-экономическими условиями первой стадии развития либерально-рыночного общества. А именно, резким увеличением количества освобожденных от личной зависимости и средств производства работников, неразвитостью организованного рабочего движения, отсутствием системы социального обеспечения и т.д. (27).

С другой стороны, нельзя сводить роль предпринимателей только к беззастенчивой эксплуатации рабочих. Уже Маркс в «Манифесте коммунистической партии» отмечал инновационную мощь класса предпринимателей: «Буржуазия менее чем за сто лет создала более многочисленные и более грандиозные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе взятые» (28). Следовательно, деятельность предпринимателей с самого начала не только превращает частный труд в общественный, связывает частный труд с общественными потребностями, но и обеспечивает высокие темпы качественного прогресса человечества. Она осталась незамеченной Марксом, потому что не подчинялась закону стоимости, гласящему: *одинаковая* стоимость двух товаров определяется *одинаковым* количеством затраченного на его изготовление абстрактно-общего труда, а, стало быть, и общественно-необходимого рабочего времени. Творческая трудовая деятельность в отличие от гомогенного стандартного труда гете-

рогенна, зависит от индивидуальной комбинации и особенностей реализации креативных способностей. Деятельность предпринимателей является *определяющей* разновидностью *креативного* труда, которая максимально эффективно превращает результаты стандартной и творческой деятельности других людей в достояние всего общества. Предприниматели осуществляют новые комбинации: организацию изготовления нового блага, внедрение нового способа производства, освоение нового рынка сбыта, получение нового источника сырья или полуфабриката, реорганизацию рыночной структуры (29). Следовательно, в теории нестандартной трудовой стоимости должно быть учтено существование креативного предпринимательского труда. Особое социальное положение его среди других видов творческого труда вызывает более высокую, даже по сравнению с ними, стоимость, создаваемую трудом предпринимателей. Таким образом, трудовая стоимость товара в релятивном производстве включает в себя: стоимость ранее овеществленного труда, овеществляемую стоимость стандартного и креативного наемного труда, стоимость стандартного и креативного торгового труда, стоимость стандартного и креативного предпринимательского труда. *Фундаментальный же объект расширенной теории трудовой стоимости есть воспроизведение единства абстрактно-общего и абстрактно-социального стандартного и креативного труда, воплощенного в стоимости.*

Именно креативный труд предпринимателей в решающей степени способствовал переходу от нерелятивного производства к релятивному производству. Кстати, сформулированный Марксом и Энгельсом закон углубления и расширения экономических кризисов, действовал до великого кризиса 1929-1933 годов (30), ни один из последующих экономических кризисов не смог достичь его масштабов. Причина, прежде всего, в увеличении степени интеллектуализации и релятивизации производства, потребовавшей регулярного повышения затрат на воспроизводство более квалифицированного и креативного наемного работника; в получении дополнительной прибыли от реализации все большего количества инновационных товаров. Это говорит о том, что марксистская теория была в основном адекватна экономической реальности либерально-рыночного общества до второй мировой войны и неадекватна его послевоенному периоду существования. Вместе с тем, существует объективная «эластичность» границы между оплатой труда наемных работников и оплатой труда предпринимателей, контролирующей процесс производства. Эта «эластичность», на наш взгляд, и является причиной того, что объективно экономическими средствами нельзя отделить заработанный предпринимателем доход от зарплаты его наемных работников. В привилегированном же положении предпринимателей на производстве всегда таится возможность присваивания ими прибавочной стоимости.

Мы «старше» Маркса на семьдесят четыре года существования и краха советско-социалистической экономической системы, опиравшейся, в частности, на теорию стандартной трудовой стоимости. Кстати, в советско-социалистическом обществе реализовалось еще одно положение основоположника марксизма: «Каждый индивид обладает общественной мощью в форме вещи. Отнимите эту общественную мощь у вещи – вам придется дать ее одним

лицам как власть над другими людьми» (31). Ее и «дали» номенклатуре (32), партийно-государственным чиновникам как власть над остальным народом. Частная собственность на средства производства уступила место сверхмонопольному номенклатурному распоряжению общенародной собственностью, что в условиях регулярного преследования даже инакомыслия было почти равнозначно коллективной номенклатурной собственности на средства производства (33). В этих условиях возникает затратная экономика, а в ее пределах наилучшие условия создаются только для производства продукции, непосредственно обеспечивающей укрепление и расширение власти номенклатуры, т.е. военной продукции (34). Происходит же это за счет постоянного ухудшения качества и, со временем, уменьшения количества необходимой народу мирной продукции. Кроме того, опора на стандартный труд и социальных субъектов стандартной деятельности определила в целом враждебное отношение к творческому труду и социальным субъектам креативной деятельности, прежде всего, к творческой интеллигенции. В наступившей стадии релятивного производства – это стало одной из причин замедленного самоубийства нашей социальной системы. Самое же главное, в советско-социалистическом обществе не произошло никакого освобождения от эксплуатации, только возврат к докапиталистическим ее формам (35). Итак, в ходе советско-социалистической революции были уничтожены капиталистическая частная собственность и капиталистическая эксплуатация, но на их место пришла коллективная номенклатурная собственность и номенклатурная эксплуатация. Различие между рассматриваемыми социальными системами в том, что либерально-рыночное общество намного эффективнее использует материальные, трудовые и финансовые ресурсы для своего существования и креативного развития, чем советско-социалистическое общество. И этот недостаток с избытком превосходит все достоинства последнего.

Обнаружение креативного предпринимательского труда и, стало быть, трудового основания дохода предпринимателя позволяет увидеть ошибку игнорирования этого труда в теории прибавочной стоимости. Открытие Марксом в стоимости товаров стандартного абстрактно-общего труда наемных рабочих, ее стандартно-трудоу составляющей оказалось сделанным ценой некорректного абстрагирования, полного отвлечения от содержащегося в товаре креативного труда предпринимателей и соответствующей ему креативной стоимости. Значит, для практического применения марксистской теории было необходимо не только расширение стандартной теории трудовой стоимости, но и дезабстрагирование фундаментального объекта, стоимости, т.е. учет креативного предпринимательского труда в конечной стоимости товаров, а также неэкономических свойств и законов общества. Как мы знаем, фундаментальный объект, стандартная стоимость и относящаяся к нему экономическая теория Маркса применялась в Советской России и ей подобных странах непосредственно, минуя указанные познавательные процедуры. Это стало одной из причин того, что в результате революции, кровавой гражданской войны и невиданных ранее массовых репрессий произошла всего лишь замена капиталистической эксплуатации номенклатурной. Ведь, включающему существенные пробелы и утопическое представление о коммунизме учению Маркса, придавался знак «научной

теории», с которым оно обрело качество стопроцентной истинности. Психологическая убедительность его коммунистической гипотезы усиливалась подробным противопоставлением теории «научного» коммунизма «утопическому» и «ненаучному» коммунизму. К сожалению, такая же нравственная и эпистемологическая «глухота» была продемонстрирована и нынешними реформаторами, ввергшими народ России в пучину бедствий варварского накопления капитала предпринимателями и потерявшими голову от быстрой и легкой наживы чиновниками.

Итак, в марксистской теории трудовой стоимости произошло выделение ее фундаментального объекта, стандартно-производственного абстрактно-общего труда и стоимости, состоялась разработка имеющего, на наш взгляд, общенаучное значение, эквивалентно-репрезентативного метода выявления его адекватной связи со своим объективным коррелятом. Правда, из-за социально-групповой, классовой субъективности марксовского подхода к общественным явлениям метод был применен недостаточно последовательно. В результате этого даже в рамках воспроизведения стоимостного аспекта товара фундаментальный теоретический объект, стоимость, был образован с некорректным отвлечением от стандартно-торгового абстрактно-социального труда, креативного предпринимательского и наемного труда и соответствующих им составляющих стоимости. Иначе говоря, произошло образование искаженного неполнотой теоретического объекта. Фундаментальный объект ньютоновской механики, материальная точка, был образован из механического тела с помощью идеализации, т.е. сведения к нулю его пространственных размеров. Искусственно-конструктивная процедура идеализации явно изменяет предмет познания, тогда как процедура приравнивания товаров в непосредственном обмене не изменяет его, стало быть, лишь делает явными скрытый до этой процедуры их существенный признак. Поэтому в первом случае нельзя не заметить различия между идеализированным теоретическим объектом и реальным объектом, а, следовательно, необходимости процедуры деидеализации. Во втором же случае различие между полученным с помощью абстрагирования теоретическим объектом и реальным объектом становится менее заметным для познания. Различие еще и в том, что идеализация носит внутрисвойственный характер, тогда как даже в стандартной теории трудовой стоимости произошло отвлечение от *существенных* для этой предметной области других свойств товара, следовательно, отход от истины. Таким образом, с одной стороны, марксистская теория трудовой стоимости была, в части разработки эквивалентно-репрезентативного метода обоснования фундаментальных теоретических объектов, необходимым звеном развития научного знания. С другой стороны, в конкретно-экономической и социально-философской части она включала в себя такие кардинальные заблуждения, которые заранее обрекали на провал попытку ее реализации в практической социальной жизни. Вместе с тем, корректное применение эквивалентно-репрезентативного метода обоснования фундаментального объекта приводит к построению экономической теории, которая характеризуется прозрачным когнитивным отношением к соответствующей ей реальности.

Конечно, либерально-рыночное общество – не идеал, похожий на коммунистическое «светлое будущее». В нем – масса отрицательных сторон, в частности, соблазн стремящихся к максимальному доходу предпринимателей использовать свое экономически доминирующее положение для эксплуатации наемных работников. Но тогда минимизация эксплуатации достигается только через социально-политическую борьбу за социально-справедливое перераспределение включающих эксплуатацию доходов предпринимателей. Марксизм прав: эти пути находятся не в экономической, а в политической сфере жизни общества. Но они и не находятся в революции, создавшей эксплуататорское советско-социалистическое общество, социальный «дом», на «стене» которого с самого начала могли гореть слова предвидения-пророчества: мене, текел, упарсин. Иными словами, исчислено общество ваше и положен конец ему, взвешено оно на весах и найдено легким, разделено между странами, входящими в него, и отдано им (36).

Реальное совершенствование либерально-рыночного общества возможно на пути социально-экономических реформ. Например, в современной Швеции первостепенную роль играет социальная политика, которая призвана создавать нормальные условия для существования и развития всего населения страны. В 1986 году в Швеции на 20 % самых богатых семей приходилось 37,5 % доходов, а на 20 % самых бедных – 12 % (в США соответственно 45,7 и 4,6 %). Достигается это за счет перераспределения самых высоких в развитых странах налогов, составлявших в 1989 году 56,5 % от ВВП (в США они составляли в 1987 году 28,9 % от ВВП) (37). Правда, в 80-е и 90-е годы для шведской формы организации общества настали трудные времена: по доходу на душу населения среди 24 развитых стран Швеция опустилась с 3-го места на 12-е, по уровню жизни – с 4-го на 17-е место. Причиной ухудшения социально-экономического положения стал слишком низкий уровень социальной дифференциации, оказывающий дестимулирующее воздействие на трудовую мотивацию (38). Таким образом, слишком большие масштабы социального обеспечения уменьшают темпы экономического развития. Для решения возникшей проблемы устойчивого развития общества необходимо повысить социальные различия до уровня, обеспечивающего как высокий уровень социальной защищенности, так и достаточно высокие темпы экономического развития в условиях наступающего релятивного производства.

Мы, как можно беспристрастнее, рассмотрели обоснование и развитие фундаментальных объектов экономического знания, опирающееся на него развитие и практическое применение теории трудовой стоимости. В процессе реализации ее стандартной формы в условиях релятивного производства общество исторически быстро ожидает неизбежная социально-экономическая катастрофа. В процессе гибкой социал-демократической формы реализации нестандартной теории трудовой стоимости и эквивалентной ей теории предельной полезности общество ждет динамическо-креативное и оптимально-справедливое будущее. Мы представили обе фундаментальные формы экономические теории и их социальные последствия. Выбор остается за народом и элитой. «Согласного судьба ведет, несогласного тащит насильно» (Сенека) (39).

Литература

1. Швырев В.С. Теория // *Философский энциклопедический словарь*. – М., 1983, с.678.
2. Брагинский С.В., Певзнер А.Я. *Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления*. – М., 1991.
3. Бём-Баверк О. *Критика теории Маркса*. – М., Челябинск, 2002.
4. Маркс К. *Форма стоимости* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., т.49, с.148.
5. См.: Маркс К. *Критика политической экономии* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., т.46, ч.1, с.100-101.
6. См.: Брагинский С.В., Певзнер А.Я. *Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления*. – М., 1991, с.51-66.
7. См.: Бём-Баверк О. *Критика теории Маркса*. – М., Челябинск, 2002, с.168-169.
8. См.: Брагинский С.В., Певзнер А.Я. *Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления*. – М., 1991, с.16.
9. См.: Бём-Баверк О. *Критика теории Маркса*. – М., Челябинск, 2002, с.244.
10. Маркс К. *Форма стоимости* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., т.19, с.20.
11. Маркс К. *Критика политической экономии* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., т.46, ч.1, с.476.
12. Чудинов Э.М. *Природа научной истины*. – М., 1977, с.235.
13. См.: там же, с.245.
14. См.: Целищев В.В. *Природа объектов математики и формальные модели* // *Методологические проблемы математики*. – Новосибирск, 1979, с.26.
15. См.: Чудинов Э.М. *Природа научной истины*. – М., 1977, с.252-258.
16. Там же, с.260.
17. См.: там же, с.261-264.
18. Маркс К. *Капитал* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., т.23, с.178.
19. Цит. по: Брагинский С.В., Певзнер А.Я. *Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления*. – М., 1991, с.81.
20. См.: там же, с.83-84.
21. См.: там же, с.87.
22. Брагинский С.В., Певзнер А.Я. *Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления*. – М., 1991, с.92-93.
23. См.: Бём-Баверк О. *Критика теории Маркса*. – М., Челябинск, 2002, с.194-195.
24. См.: Самуэльсон П. *Экономика*. – В 2-х т., М., 1992, т.2, с.221-225; см. также: Макконнелл К.Р., Брю С.Л. *Экономикс*. – М., 1993, т.2, с. 182-183.
25. См.: Самуэльсон П. *Экономика*. – В 2-х т., М., 1992, т.2, с.229.
26. См.: Бём-Баверк О. *Критика теории Маркса*. – М., Челябинск, 2002, с.75-76.
27. См.: Брагинский С.В., Певзнер А.Я. *Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления*. – М., 1991, с.192.
28. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии* // *Собр. соч.*, 2-е изд., т.4, с.429.
29. Шумпетер Й. *Теория экономического развития*. – М., 1982, с.159.
30. См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии* // *Собр. соч.*, 2-е изд., т.4, с.429-430.
31. Маркс К. *Критика политической экономии* // Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., т.46, ч.1, с.100.
32. См.: Восленский М.С. *Номенклатура*. – М., 1991, с.14.
33. См.: Макаренко В.П. *Сталинизм и бюрократия*. – Ростов-на-Дону, 1989, с.347-348; Восленский М.С. *Номенклатура*. – М., 1991, с.174-182.

34. См.: *Восленский М.С. Номенклатура.* – М., 1991, с.194-197.
35. См.: *там же*, с.173-264, 573-592.
36. См.: *Библия.* – Чикаго, 1990, с.869.
37. См.: *Волков А.М. Швеция: социально-экономическая модель.* – М., 1991, с.88-89, 92, 23.
38. См.: *Гришин И. Социал-демократия Швеции: трудное расставание с прошлым // Мировая экономика и международные отношения.* 2000, №9, с.78-79, 83.
39. *Энциклопедия афоризмов.* – М., 1999, с.557.